

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Исторические науки и археология

Отечественная история

*Васькин А.А.,¹ член Союза писателей
Москвы, член Союза журналистов
Москвы*

МОСКВА ЛЬВА ТОЛСТОГО. УЛ. ПЛЮЩИХА, Д. 11

Это первый адрес Льва Толстого в Москве, с которой он с детским восхищением познакомился 11 января 1837 г. За день до этого Толстые длинным санным поездом из семи возов отправились из Ясной Поляны. Вместе с отцом Николаем Ильичом Толстым (1794–1837), бабушкой Пелагеей Николаевной Толстой (1762–1838) ехали и дети: Николай (1823–1860), Сергей (1826–1904), Дмитрий (1827–1856), Мария (1830–1912) и Лев. Сопровождали их десятка три крепостных людей.

Длинная зимняя дорога до Москвы (178 верст!) запомнилась восьмилетнему Левушке Толстому в подробностях. Он отмечал позднее, что один из возов, в котором ехала бабушка, имел для предосторожности отводы, на которых почти всю дорогу стояли камердинеры. Отводы были такой ширины, что в Серпухове, где остановились на ночлег, бабушкин воз никак не мог въехать в ворота постоялого двора.

Детей по очереди пересаживали в экипаж к отцу. Льву повезло – его очередь ехать с Николаем Ильичом настала, когда впереди показалась Москва. «Был хороший день, – писал он в «Воспоминаниях», – и я помню свое восхищение при виде московских церквей и домов, восхищение, вызванное тем тоном гордости, с которым отец показывал мне Москву».

Путь Толстых лежал в дом Щербачева на Плющихе, прозванной так в честь кабака, на ней располагавшегося (что неудивительно – Волхонка и Ленивка имеют подобное же происхождение). Тогда здесь были типично провинциальные задворки Москвы, которые и днем можно было бы спутать с той же Тулой. Вот на такой «очень широкой и тихой улице, по которой рано утром и вечером пастух собирал и гнал стадо на Девичье поле, играл на рожке и хлопал кнутом так, что этот звук был похож на выстрел, коровы мычали, ворота хлопали» поселилось семейство Толстых².

---

¹ Васькин Александр Анатольевич – историк Москвы, писатель, журналист, лауреат Горьковской литературной премии 2008 г. в номинации «По Руси» (краеведение). Автор книг «Спасти Пушкинскую площадь», «Я не люблю московской жизни», или Что осталось от пушкинской Москвы», «От Волхонки до Знаменки», «От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа», «Монастыри Москвы», «Московский университет на Моховой» и других, а также более ста публикаций, исследований, очерков на тему исторического прошлого российской столицы.

² История улицы начинается с XV в., когда вдоль дороги на Смоленск стояло подворье ростовского архиепископа (свидетели тому – близлежащие Ростовские переулки). Путь на Смоленск (ведущий к Крымскому броду) до конца XVI в. проходил по Плющихе, именовавшейся тогда Смоленской улицей, а до этого ещё и Саввинской – по Саввинскому монастырю, что был в конце улицы. В конце XVI в. с постройкой нового моста через Москву-реку на Смоленск стали ездить через Дорогомилово, где нынче Большая Дорогомиловская улица. Плющихой улица стала в конце XVII в. по кабаку Плющева, что стоял некогда в начале улицы.

На Плющихе в разное время жили поэт А.А. Фет, художники В.И. Суриков и С.В. Иванов, писатель И.И. Лажечников, а также писательница Л. Авилова, которой и принадлежит цитата, приведенная нами выше.

Сегодня этот дом с мезонином, проживший почти два столетия, является одним из немногих сохранившихся особняков небогатой дворянской Москвы начала XIX в. Из имевшихся ранее в облике здания отличительных признаков классицизма до нашего времени дошел лишь треугольный фронтон, утрачены колонный портик и декоративная лепнина. Убрался и массивный забор, отделявший особняк от Плющихи и ее коровьего стада, и двор с хозяйственными постройками, скрывавшийся за забором.

Расположение и назначение комнат первого этажа было обычным по тем временам: большая гостиная, столовая, готовая принять многочисленную семью обедающих, диванная, цветочная и кабинет. Детские комнаты находились в мезонине. Прислуга уживалась в полуподвале. Интересно, что с улицы дом смотрелся как двухэтажный, а со двора взору открывались уже три этажа. Считается, что застройщик таким образом скрыл еще один этаж, чтобы не платить лишний налог, взимавшийся тогда с каждого этажа.

Вместе со Львом в мезонине поселились его братья и сестра. Старших братьев, получивших домашнее образование, готовили к поступлению в Московский университет, их приучали «привыкать к свету». О них Лев Николаевич вспоминал так: «Николиньку я уважал, с Митинькой я был товарищем, но Сережей я восхищался и подражал ему, любил его, хотел быть им». Рядом с детьми поместили и гувернера Федора Ивановича Ресселя. «Смутно помню эту первую зиму в Москве, – припоминал Толстой. – Ходили гулять с Федором Ивановичем. Отца мало видали».

Многое о детских годах Льва Толстого мы можем почерпнуть из его автобиографической повести «Детство», в которой гувернер Федор Иванович выведен под именем Карла Ивановича. Летом 1837 г. здесь, на Плющихе произошла драматическая сцена, описанная в 11-й главе «Детства». Старого учителя решили сменить на другого. Тогда он предъявил своим нанимателям внушительный счет, в котором, кроме жалованья, потребовал оплаты и за все вещи, что он дарил детям, и даже за обещанные, но не подаренные ему хозяевами золотые часы. В итоге гувернер расчувствовался, признавшись, что готов служить и без жалованья, лишь бы его не разлучали с так полюбившимися ему детьми. И его оставили.

Одним из почти сразу установившихся обычаев этого дома стал ритуал семейного обеда, в соответствии с которым все члены семьи должны были собраться в столовой к определенному часу и ждать, пока бабушка не пожалует к трапезе. И только затем позволялось сесть за стол: «Все, тихо переговариваясь, стоят перед накрытым столом в зале, дожидаясь бабушки, которой Гаврила уже пошел доложить, что кушанье поставлено, – вдруг отворяется дверь, слышен шорох платья, шарканье ног, и бабушка в чепце, с каким-нибудь необыкновенным лиловым бантом, бочком, улыбаясь или мрачно косясь (смотря по состоянию здоровья), выплывают из своей комнаты. Гаврила бросается к ее креслу, стулья шумят, и чувствуя, как по спине пробегает какой-то холод – предвестник аппетита, берешься за сыроватую крахмаленную салфетку, съедаешь корочку хлеба и с нетерпеливой и радостной жадностью, потирая под столом руки, поглядываешь на дымящие тарелки супа, которые по чинам, годам и вниманию бабушки разливает дворецкий», – читаем мы в «Юности».

Живя на Плющихе, не раз и не два самый младший из братьев «подбегал к окну, приставлял ладони к вискам и стеклу и с нетерпеливым любопытством смотрел на улицу». А однажды, подталкиваемый жгучим желанием испытать ощущение птицы в полете и «сделать какую-нибудь такую молодецкую штуку, которая бы всех удивила», Левушка сиганул прямо со своего мезонина во двор. Поступок этот наделал много шума. К ужасу домашних, мальчик лишился чувств, но, слава Богу, не расшибся. Проспав 18 часов кряду, Лев проснулся как ни в чем не бывало. Запомнил ли он ощущение полета? Наверное, да. Недаром такое яркое впечатление производит на читателей сцена в Отрадном из «Войны и мира», в которой Наташа Ростова, вглядываясь в звездный небосвод, так же, как и мальчик Левушка, мечтает о полете.

Сестра Толстого, Мария Николаевна рассказывала: «Мы собрались раз к обеду, – это было в Москве, еще при жизни бабушки, когда соблюдался этикет и все должны были являться

вовремя, еще до прихода бабушки, и дожидаться ее. И потому все были удивлены, что Левочки не было. Когда сели за стол, бабушка, заметившая отсутствие его, спросила гувернера Сен-Тома, что это значит, не наказан ли Léon; но тот смущенно заявил, что он не знает, но что уверен, что Léon сию минуту явится, что он, вероятно, задержался в своей комнате, приготавливаясь к обеду. Бабушка успокоилась, но во время обеда подошел наш дядька, шепнул что-то Сен-Тома, и тот сейчас же вскочил и выбежал из-за стола. Это было столь необычно при соблюдаемом этикете обеда, что все поняли, что случилось какое-нибудь большое несчастье, и так как Левочка отсутствовал, то все были уверены, что несчастье случилось с ним, и с замиранием сердца ждали развязки.

Вскоре дело разъяснилось, и мы узнали следующее:

Левочка, неизвестно по какой причине, задумал выпрыгнуть в окошко из второго этажа, с высоты нескольких сажен. И нарочно для этого, чтобы никто не помешал, остался один в комнате, когда все пошли обедать. Влез на открытое окно мезонина и выпрыгнул во двор. В нижнем подвальном этаже была кухня, и кухарка как раз стояла у окна, когда Левочка шлепнулся на землю. Не поняв сразу, в чем дело, она сообщила дворецкому, и когда вышли на двор, то нашли Левочку лежащим на дворе и потерявшим сознание. К счастью, он ничего себе не сломал, и все ограничилось только легким сотрясением мозга; бессознательное состояние перешло в сон, он проспал подряд 18 часов и проснулся совсем здоровый».

Незадолго до смерти Лев Николаевич дал такое объяснение своему поступку: «Мне хотелось посмотреть, что из этого выйдет, и я даже помню, что постарался еще подпрыгнуть повыше». Об этом случае из детства памятный классик русской литературы рассказывал почти всем, с кем он делился воспоминаниями о прожитой жизни: Гольденвейзеру, Берсам, Бирюкову...

В гораздо большей степени повлияла на маленького графа сама перемена места жительства, переход от жизни в родительской усадьбе к жизни в городе. В Ясной Поляне семья Толстых и их дети были центром вселенной, в Москве же они терялись в бесчисленной массе обывателей. «Я никак не мог понять, – читаем в «Детстве», – почему в Москве все перестали обращать на нас внимание – никто не снимал шапок, когда мы проходили, некоторые даже недоброжелательно смотрели на нас».

В следующей повести «Отрочество» Лев Толстой занят осмыслением своих первых московских впечатлений:

«Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества.

Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал все это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал... Когда я глядел на деревни и города, которые мы проезжали, в которых в каждом доме жило по крайней мере такое же семейство, как наше, на женщин, детей, которые с минутным любопытством смотрели на экипаж и навсегда исчезали из глаз, на лавочников, мужиков, которые не только не кланялись нам, как я привык видеть это в Петровском, но не удостаивали нас даже взглядом, мне в первый раз пришел в голову вопрос: что же их может занимать, ежели они нисколько не заботятся о нас? И из этого вопроса возникли другие: как и чем они живут, как воспитывают своих детей, учат ли их, пускают ли играть, как наказывают? и т. д.».

Один из первых сочинительских опытов Левушки Толстого также относится к этому периоду. Сохранилась тоненькая тетрадоchка, сшитая маленьким автором, с им самим наклеен-